

Путь к правде. Александр Мильчаков открыл 11 тайных мест захоронений жертв политических репрессий

15 марта 2021

Фото: Вечерняя Москва

Мы продолжаем публиковать материалы к грядущему 100-летию «Вечерней Москвы». Но сегодня речь пойдет о другом юбилее, для «Вечерки» тоже важном. 16 марта исполнилось бы 90 лет журналисту Александру Мильчакову. Его не стало в 2004 году, и сегодня его имя, увы, упоминается нечасто. В этом есть чудовищная несправедливость, ведь благодаря его расследованиям, результаты которых публиковались в «Вечерней Москве», стало меньше белых пятен на самых горьких страницах нашей истории.

...Никогда не бывала прежде в знаменитом Доме на набережной, что на улице Серафимовича. За окнами блещет куполами и мерцает звездами Кремль. Если не знать, какие трагедии

разворачивались в его стенах, сколько падений и взлетов они видели за свой без малого прожитый век, это просто дом с атмосферным уютом старого жилья.

Саша Мильчаков был первым ребенком, родившимся в этом доме в 1931 году. Он прожил тут большую часть жизни и отсюда ушел в последний путь почти семнадцать лет назад. Дома, где меня встречают его вдова Нина Денисовна Зверева и дочка Наталья, уютно и, ожидаемо, много книг. И фотографий на стенах... Вот и Александр Мильчаков — смотрит на нас, сжимая трубку телефона, со снимка за стеклом.

Альбом с фотографиями в руках Нины Денисовны — что лента времени. Вот, на фото рядом с Буденным, ее свекор — Сашин папа, Александр Иванович Мильчаков. А в шкафу — чуть пожелтевший архив Александра Мильчакова-младшего, Саши. Книги, изданные в других странах, повести, не нашедшие издателя, документы... К бумагам мужа Нина Денисовна с трудом смогла прикоснуться лишь спустя год после его смерти. Это не просто бумаги, а овеществленное напоминание о том, как много может сделать за жизнь человек.

Нина Денисовна и не скрывает огорчения оттого, что имя Александра Мильчакова ныне многими забыто. Но чтобы объяснить, а кому-то напомнить о том, почему память об этом человеке так значима в первую очередь для Москвы, сделаем небольшое отступление.

Не признавший вины

Имя Сашиного отца, Александра Ивановича Мильчакова, генерального секретаря ЦК ВЛКСМ в 1928–1929 годах, а затем руководителя золотодобывающей промышленности СССР, когда-то было на слуху. Его биография — энциклопедия и путеводитель по советской жизни: вышел из семьи железнодорожника, был одним из организаторов первых комсомольских ячеек в Перми, создавал комсомольские организации в Сибири, на Урале, в Закавказье и на Украине, боролся с бандами налетчиков, с катастрофической разрухой и голодом, был авторитетным

молодежным лидером и патологически честным партийцем. По предложению Серго Орджоникидзе, отработав в иркутском «Востокзолоте», построил и возглавил в 1933 году комбинат в Балее, где наладил работу по добыче золота на новом месторождении, добившись невероятных успехов. Чистым чиновником-формалистом, даже заняв высокую должность, Мильчаков так и не стал, высокими связями не кичился. А они и правда были высоки: встречался еще с Лениным, с вниманием относился к его «Завещанию» с предупреждением об опасности возвеличивания Сталина. А сам «вождь народов» на даче приглашал «Мильчака» с женой Марусей на прогулки. Богатств ответственный за золото страны Мильчаков не нажил. Из его «Исповеди большевика» следует, что верил он свято не столько во всеисилие партии, сколько в разум, выше всего ценил справедливость, о недочетах говорил открыто, а склонность вождя к ужесточению режима считал опасной, не принимая репрессии, несмотря на верность партии.

В конце 1938 года молох репрессий зацепил и Мильчакова. Тучи начали сгущаться загодя: со своей принципиальностью и «ленинщиной» не вписывался Александр Иванович в современные реалии. «Взяли» его в день рождения Сталина. Ордер на арест подписали Вышинский и Берия, санкцию на задержание выдал Лазарь Каганович, нарком тяжелой промышленности и секретарь ЦК, болезненно реагировавший на успехи Мильчакова. Итог: 15 лет заключения плюс пятилетнее поражение в правах, этапом — в Норильский заполярный лагерь. 5 ноября 1939 года двадцать человек, включая Мильчакова, перевели оттуда в «Коларгон» — штрафной лагерный пункт, где узники две недели ждали расстрела — «шлепки».

Спас их начальник строительства Норильлага Авраамий Завенягин, легендарная и ныне тоже позабытая личность, не одну сотню заключенных уберегший от смерти. Семью же Мильчакова после конфискации имущества (немного пришлось забирать, в Доме на набережной мебель была казенная) переселили в комнату в коммуналке, где рядом ютились такие же осколки семей репрессированных.

Люди исчезали, исчезали, исчезали... Пришли и за Марусей, Марией Ильиничной, женой Мильчакова. Спасло чудо: ордер на арест Мильчаковой подписал Вышинский, после чего отбыл в командировку. А Мария Ильинична носила фамилию первого мужа — Лившиц. Нестыковка! Так и отпустили ее в итоге. Но арест подорвал ее и без того слабое здоровье, и Маруся год провела в туберкулезной больнице, оставив Сашу и его сестру Галю няне Ксенечке.

Саше было семь, когда отца арестовали. Мария Ильинична убеждала детей в невинности отца, и факта его ареста они не скрывали. Ни пионерами, ни комсомольцами не были! А в 17 лет в сознании Саши произошел переворот.

— Свекровь говорила, что он был солнечным, улыбчивым ребенком. Но в 1948 году Александра Ивановича привезли из ГУЛАГа в Москву, и Саша впервые за десять лет увидел его — в комнате свиданий с заключенными, — рассказывает Нина Денисовна. — В его памяти отец был веселым, шутящим, а тут он увидел его наголо остриженным, с провалившимися щеками. Любовь к отцу и дикое сострадание к нему обернулись острой ненавистью к тем, по чьей воле он оказался за решеткой. Саша вышел с этого свидания другим — из радостного подростка он вмиг превратился в негибаемого человека, ненавидящего террор и диктатуру.

Все правда: на детских фото Саша — красавец с улыбкой кинозвезды. Позже — другие глаза, тени под ними. Нелегко оказался его путь...

В Москву Мильчакова вернули из ГУЛАГа не просто так: добыча золота в стране упала, а оно было нужно возрождавшейся после войны экономике. Вот и вспомнили «Мильчака». Шанс выйти до окончания срока у него явно был, но во время беседы с представителями госбезопасности упрямец повел себя «неправильно»: не только продолжал отрицать вину, так еще и

заявил, что в лагерях полно честных коммунистов, осужденных по ошибке, а то и оговору.

«Ты так ничего и не понял!» — услышал он в ответ, и был... возвращен в Магадан, в еще более тяжелые условия.

Переворот

Да, встреча с отцом Сашу Мильчакова «перековала». Он все помнил — исчезновения людей, страх перед ночным шелестом «воронков». Еще подавая документы на журфак МГУ, серебряный медалист Александр Мильчаков указал в анкете, что его отец репрессирован. В приватном разговоре в приемной комиссии ему шепнули: негоже сыну врага народа учиться в университете. И он отправился в химико-технологический институт, хотя химию не переваривал. А тем временем поднималась новая волна репрессий. Снаряды ложились рядом, задевали «ближний круг»... Отца подруги Сашиной сестры Гали, Соломона Лозовского, возглавлявшего в войну Советское информбюро, замнаркома иностранных дел, арестовали и расстреляли в 1952-м. Воздух казался спрессованным и горьким: в Доме на набережной, да и не только в нем, многие не знали, а наступит ли завтра. Но в 1953-м не стало Сталина. Смерть вождя многим дала надежду на спасение. Мильчаков старший вернулся в Москву в 1954-м. Реабилитирован он тоже был быстро — благодаря А. Микояну и сыну, который ходил в прокуратуру как на работу.

— Следователь был поражен Сашиным упорством. А еще его сразил один из пунктов обвинения свекра: «за особо изощренный метод вредительства в «Балейзолоте» — путем перевыполнения плана». Он изумился: «За это же награждают!» — рассказывает Нина Зверева. — Саша ответил: «Так отцу за это был вручен орден Ленина в 1933 году. А еще легковую машину ему дали, но он ее детскому дому отдал...».

24 апреля 1954 года А. И. Мильчакова реабилитировали полностью. Даже вернули орден Ленина. Но в душу Мильчакова-младшего покой не вернулся. Он не мог ни забыть того, что

случилось с отцом, ни пережить этого. Мучило и то, что таких судеб было очень много...

Работая инженером, мечты о журналистике Александр Мильчаков не оставил. Отучился в Литинституте, в 1959 году опубликовал сборники «Тайна семи настилов» и «Город в профиль», и вскоре ушел в журналистику. Работал в многотиражках, «Смене», стал спецкорреспондентом газеты «Труд», где встретил любовь и будущую жену — Нину Звереву.

— Саша был таким ярким! Обожал и блестяще знал кино, умудрялся проникать даже на закрытые кинопоказы. А писал много, азартно. Кстати, историю о проникновении из Индии в столицу черной оспы, которую так часто вспоминали в минувшем году в связи с пандемией, тоже первым «раскопал» он, написал на эту тему и очерк «По следам «Вариола-вэра»», и повесть «В город пришла беда», опубликованную в журнале «Москва», — вспоминает Нина Денисовна. — Она вышла отдельной книгой в ряде разных стран, но не у нас: против издания выступили влиятельные Кукрыниксы. Оспу-то как раз и завез один из художников, и хотя Саша реальных имен в книге не называл, на скандал решили не идти и набор книги рассыпали.

В «Труде» Мильчаков в основном брался за самые острые темы, связанные с защитой простых людей, произволом бюрократов и «административки». Александру Субботину, главреду «Труда», не раз доставалось «сверху» за выступления распоясавшегося спецкора, но все факты подтверждались... А потом Мильчаков ушел на радио. На одном из эфиров он и поднял волновавшую его тему. Говорят, война не окончилась, пока не похоронен последний солдат. А ему хотелось найти все места тайных захоронений жертв политических репрессий, чтобы любой мог поклониться их праху.

— История отца и зачитанный им до дыр «Архипелаг ГУЛАГ» были для Саши «путеводными звездами», — рассказывает Нина Зверева. — Им руководила не месть за отца, он боролся с

тоталитарным строем, восстановление правды считал своим нравственным долгом.

После передачи Мильчаков начал получать письма. Сначала — штучные. Потом они потекли ручейком. Потом — хлынули рекой. Долгое молчание, сдерживаемая боль, неверие... Этот гигантский нарыв вскрылся и забурлил.

Река горя

В первой статье на эту тему («Пепел казненных стучит в наши сердца») Александр Мильчаков написал о тайных погребениях на Донском кладбище столицы, но печатать статью никто не спешил. Пошла на риск «Семья» — еженедельник Советского детского фонда имени В. И. Ленина. 7 сентября 1988 года статья вышла. 5 октября вслед за ней вышла другая сенсация — «Овраг на Калитниковском». Душераздирающий рассказ свидетельницы тайных ночных захоронений взорвал столицу. Теперь Мильчаков не мог остановиться, не имел права.

— Это было в хорошем смысле безумие, — вспоминает Нина Денисовна. — После второго расследования ему позвонили ветераны автобазы «Мосметростроя»: еще были живы работавшие на базе в 1941 году, они видели, что происходило на находившемся рядом Рогожском кладбище. Саша шел по следу, как одержимый.

Благодаря усилиям Мильчакова будто рассеивался туман: имена всплывали из небытия. Выяснилось, где и при каких обстоятельствах были преданы земле Мейерхольд, Кольцов, генсек ЦК ВЛКСМ Косарев и другие исторические личности. В том же году журналист выступил в программе Владимира Молчанова «До и после полуночи» с рассказом о «Ростанной дороге».

— Эта была бомба, Володя очень помогал Саше. Это был первый в истории нашей страны честный рассказ о Бутовском захоронении, — вспоминает Нина Денисовна.

А потом в жизни Мильчакова началась «эпоха «Вечерней Москвы».

...С сотрудником «ВМ» Валентином Гординым Мильчаков был знаком с молодости. Но тут дружба вышла на новый виток.

— Саша обрел в «Вечерке» единомышленников, — рассказывает Нина Денисовна. — Валя Гордин и Нелли Горячева не просто печатали его материалы, но и писали на эти темы сами, брали у него интервью, а иногда записывали Сашины рассказы, превращая их в материалы. Новые факты, открывавшиеся в процессе его расследований, становились достоянием гласности благодаря «Вечерке», тому пониманию, которое выказала Саше редакция, включая главного редактора Александра Лисина.

Первая статья Мильчакова вышла в «Вечерке» 14 апреля 1990 года под хлестким названием «Александр Мильчаков против КГБ». Суммарно количество публикаций превысит три десятка. В том же году международная пресса назовет Мильчакова «Человеком года».

...Статьи множились, на них приходили тысячи откликов. Мильчаков требовал открыть архивы КГБ, и на страницах «Вечерней Москвы» появились первые публикации «расстрельных списков». Это была колоссальная работа, требующая гигантской воли. Так, когда при Моссовете была создана комиссия по розыску мест захоронений жертв репрессий, в которую вошел и Мильчаков, там появились и представители КГБ. Началось «верчение» на одном месте: несмотря на полученный спецдопуск к архивам, Мильчакову не удавалось добиться результатов от этого «сотрудничества», его убеждали, что документов по данной теме нет и в помине. Начался новый бой — через смелые выступления на страницах все той же «ВМ». Дуэль продолжалась: Александр Александрович вызывал на нее самое могучее ведомство страны.

— Я очень за него боялась, — вспоминает Нина Денисовна. — Это же было и выступлением против власти. Он работал сутками, и я

понимала, что мы — под бдительным надзором... Но Сашу нельзя было остановить, он считал это делом чести. Знаете, он на такие поступки шел — не поверите! Например, ему сказали, что тайное захоронение было и у стен Кремля. И он нанял бульдозер и принялся там копать! Милиция так ошалела, что не сразу остановила несанкционированную копку! Сашу задержали, но не арестовали. Как — до сих пор не понимаю...

На одной из встреч в КГБ журналисту было сказано, что за публикациями в «Вечерней Москве» лично следит председатель КГБ Крючков. Обещали помочь, бросались «честным словом». Но когда под напором фактов ведомству пришлось отступить, в прессе появилась информация, что Комитет госбезопасности едва ли не сам инициировал поиск захоронений... Он бился за право знать со страстью одержимого человека. После очередной публикации в «ВМ» и письма в адрес КГБ и ЦК КПСС волшебным образом нашелся наконец секретный фонд номер 7, где в описи под номером 1 были зафиксированы имена казненных в 1930-е годы с указанием мест их захоронения. Нашлись и тома со списками расстрелянных и захороненных на Ваганьковском и Донском кладбищах.

Постепенно и в грозном ведомстве у Мильчакова установились «конструктивные» отношения. В поисках документов ему помогали сотрудники архива КГБ Олег Мозохин и Анатолий Горьков, руководитель группы по реабилитации репрессированных Москвы и Московской области полковник Н. Грашовень.

За три года с начала публикаций Мильчакова в «Вечерней Москве» впервые прозвучали имена 2000 жертв репрессий. Борьба шла за каждое имя. Еще в 1994 году на Ваганьковском кладбище при активном участии Мильчакова был установлен памятник «Жертвам политических репрессий. 1927–1937».

А тени под глазами становились все темнее. И сердце начало уставать... 29 января 2004 года Александр Мильчаков скончался. Инсульт... Он умер в том же Доме на набережной, куда его семья

снова въехала после долгих «кружений» по Москве, победив черных призраков прошлого, как и хотел. Ведь свет впереди возможен только без них. Похоронен Александр Мильчаков на Новодевичьем кладбище, рядом со своим знаменитым отцом. И зря говорят, что один в поле не воин. Если изучить биографию Мильчакова, станет ясно — воин. Еще какой. И памятник жертвам политических репрессий на Ваганьковском — это памятник силе Правды, лицом которой может иногда быть и один человек.

ФАКТЫ

Александром Мильчаковым и его помощниками было найдено 11 массовых мест захоронений жертв репрессий, 10 из которых были официально подтверждены представителем «органов».

Публикации «расстрельных списков» в «ВМ» положили начало изданию «Книги памяти жертв политических репрессий». За 10 лет в нее вошли сведения о 25 292 людях. В 2004 году вышли в свет компакт-диски с информацией о судьбах 1 350 000 жертв террора в СССР.

ДОСЬЕ

Александр Александрович Мильчаков родился 16 марта 1931 года. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, работал в редакции ряда газет и журналов («Рационализатор и изобретатель», «Смена», «Комсомольская правда»). Долгие годы был спецкорреспондентом газеты «Труд», а затем старшим редактором в Гостелерадио СССР. Его перу принадлежит ряд книг, очерков и рассказов. По его повести «В город пришла беда» был снят двухсерийный художественный фильм на киностудии имени Довженко. Книга была переведена на несколько иностранных языков и издана в ряде стран Восточной Европы. А. А. Мильчаков ушел из жизни 29 января 2004 года.